

На правах рукописи

Осипов Дмитрий Олегович

КОЖЕВЕННО - САПОЖНОЕ ремесло
ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА X-XVII вв.
(КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ).

Исторические науки 07.00.06. – археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 2012

Работа выполнена на кафедре археологии исторического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Научный консультант: доктор исторических наук
Е.А. Рыбина

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Т.Д. Панова
доктор исторических наук
Н. В. Хвоцинская
доктор исторических наук
С. А. Яценко

Ведущая организация: Институт археологии РАН

Защита состоится «26» марта 2012 г. в 15 ч. на заседании диссертационного совета Д. 501. 001. 78. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по археологии, этнографии, этнологии и антропологии при Московском государственном университете им М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет 4 этаж аудитория 416

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Научной библиотеки МГУ 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27.

Автореферат разослан « » _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доцент

Е.А. Попова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Как показывает практика, исследование истории кожевенно-сапожного ремесла дает возможность получать информацию, способствующую решению целого ряда вопросов, далеко выходящих за рамки проблем связанных с городским ремеслом. Полученная информация имеет ряд своеобразных черт и признаков, делающих ее ценным (а в некоторых аспектах – оригинальным) историческим источником для характеристики быта, повседневной жизнедеятельности, бытовых норм городского общежития, вопросов демографии (половозрастного состава населения и его динамики), становления норм санитарной гигиены жителей.

Великий Новгород является идеальным археологическим памятником, где открыты целые кварталы средневекового города, 16 улиц, более 70 усадеб, некоторые из которых раскопаны полностью. К 2007 году раскопками исследовано более 40 участков общей площадью более 31 000 м². Уникальный культурный слой, прекрасно сохраняющий органику, надежная стратиграфия, опирающаяся на данные дендрохронологии и других естественнонаучных исследований, как нельзя лучше подходят для работы с многочисленными коллекциями кожаной обуви, собранными за годы раскопок.

Не случайно именно новгородский материал послужил, в свое время, основой для первых работ, посвященных исследованию кожаной обуви и организации кожевенно-сапожного ремесла, где впервые была представлена статистика массового археологического материала по ярусам застройки, дано типологическое членение обуви, прослежены ее конструктивные изменения и способы орнаментации. Однако в дальнейшем, эта тема не получила своего развития. Постоянно пополняющиеся коллекции новгородской кожаной обуви, самой массовой и сложной продукции сапожного ремесла, остро нуждаются в описании и систематизации.

Столь же актуально исследование технологии кожевенного и сапожного ремесел, занимающих ведущее положение в Великом Новгороде. Археологический материал в совокупности с письменными источниками дает возможность получить представление об организации кожевенного и сапожного ремесел, рассмотреть различные способы доставки сырья, определить время разделение единого некогда процесса, локализовать месторасположения мастерских. Особого осмысления требуют результаты последних лет, посвященные исследованию атрибутов охотничьего снаряжения и предметов для охоты с ловчими птицами, существенно расширяющих наши представления о материальной культуре Великого Новгорода.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в российской историографии впервые представлено комплексное исследование, включающее анализ и систематизацию кожевнного и сапожного ремесел крупнейшего русского средневекового города. Основная часть исследования базируется на обширном археологическом материале, накопленном за долгие годы исследования Великого Новгорода. Полученные данные позволяют выявить неизвестные ранее модели кожаной обуви, датировать отдельные категории археологических находок, такие как обувные подковки, выявить места расселения новгородских кожевников, определить технологию кожевнного и сапожного ремесла.

Кроме того, в диссертации впервые рассматривается совершенно не исследованная ранее тема охотничьего снаряжения и кожаных предметов для охоты с ловчими птицами.

Предметом исследования данной диссертации является информационный потенциал совокупных материалов по кожевнно-сапожному ремеслу Великого Новгорода X-XVII вв. Обширная коллекция интересующих нас археологических находок включает разнообразные обувные детали и их фрагменты, ремесленный инструментарий, места скопления производственных отходов и их характер, а также сведения разнообразных письменных источников, упоминающих ремесленников, занимавшихся выделкой кож и изготовлением изделий из кожи.

Анализ этого материала позволяет воссоздать историю и характер возникновения и поступательного развития новгородского кожевнно-сапожного ремесла на протяжении всего исследуемого периода.

Источники исследования. Основным источником исследования послужили археологические коллекции семнадцати новгородских раскопов расположенных в различных частях (концах) города. На основе полевых описей этих раскопов автором составлена электронная база данных, включающая 18 696 находок, распечатанных в виде каталога (Приложение № 3). Для анализа, сравнения и поиска аналогий привлекались материалы археологических коллекций из раскопок Рюрикова городища, Старой Ладogi, других древнерусских городов, а также поселений Польского Поморья и Скандинавии.

Комплексный характер исследований предполагал привлечение максимально широкого круга источников. Большую помощь в изучении проблем, особенно позднесредневекового периода, представляют письменные источники: писцовые и лавочные книги, записная книга купчих, закладных и меновых на дворы в Великом Новгороде, содержащие сведения о владельцах усадеб и располагавшихся на усадьбах производственных постройках, акты передачи недвижимости, грамоты новгородской таможни и пр. Кроме того, хотелось бы отметить особую, сугубо новгородскую, группу письменных источников - берестяные грамоты, составляющих «живую лексику средневековья». Содержащиеся в них

термины и наименования, отражающие обработку сырья, позволяют прояснить значение кожевенно-обувного ремесла в жизни средневекового Новгорода.

Помимо письменных свидетельств в работе использовался изобразительный и картографический материал, гравюры в книгах иностранцев посетивших Россию, миниатюры Лицевого Летописного свода, планы Великого Новгорода, свидетельства иностранцев, архитектурно-декоративная керамика, а также данные этнографических исследований.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца X – до рубежа XVII-XVIII в. Нижнюю границу определяют самые ранние находки деталей кожаной обуви, зафиксированные в основании новгородского культурного слоя, относящиеся к этапу становления новгородского кожевенно-сапожного ремесла.

Верхняя граница доходит до рубежа «Нового времени» (XVII-XVIII вв.), связанного с петровскими реформами, существенно повлиявшими на смену городского костюма. В новгородских культурных напластованиях этого времени практически полностью отсутствуют органические остатки, что вызвано активным «антропогенным» воздействием. Массовое строительство каменных домов с заглубленным фундаментом, а также прокладка дренажной системы в историческом центре города, существенно «подсушила» верхнюю часть культурного слоя, способствуя развитию губительных для органики гнилостных процессов.

Описанный выше процесс «высушивания» грунта, для значительной территории Великого Новгорода прослеживается уже с конца XV в, что способствовало формированию традиции ограничения исследования новгородского материала временем потери новгородской независимости. В то же время, как показывает практика, на отдельных участках исторического центра города «мокрый слой» сохраняется вплоть до конца XVII в. В частности, обувь позднесредневекового периода зафиксирована при раскопках в Новгородском Кремле, на Федоровском раскопе, а также в вышележащих напластованиях Троицкого XIII и XIV раскопах, где были обнаружены не характерные для Новгорода обувные детали XVII-XVIII вв.

В будущем, количество таких объектов, скорее всего, будет увеличиваться за счет активизации охранных раскопок. Кроме того, позднесредневековая обувь расширяет возможности для корректного сравнения новгородской коллекции с материалами других древнерусских городов, где доминирует обувь XV-XVII вв.

Методика исследования. До тех пор, пока «археологическая кожа» не стала массовым материалом, проблем с ее описанием и систематизацией не существовало. Масштабные раскопки в городах и, как следствие, накопления таких коллекций, как на

территории России, так и в Западной Европе, потребовало создания специальных методик описания находок и разработки схем обувного конструирования.

Для систематизации обувной коллекции Великого Новгорода была использована наиболее удачная, по мнению исследователей, классификационная схема, разработанная Е.И. Оятевой (Оятева Е.И. К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. Вып. 15. Л., 1973), дополненная новыми признаками, соответствующими высокой обуви жесткой конструкции.

Исследование хранящихся в музее коллекций проводилось органолептическим методом (визуальным исследованием), с применением фото и графической фиксации. Описание и систематизация новгородской обуви выполнялось с учетом качества кожевенного сырья, формы, деталей, характера и местоположения шва. При этом разделялись такие подсистемы как морфология, технология и материал, которые хотя и связаны между собой, развиваются обособленно.

Для исследования сырьевой базы новгородских сапожников было проведено определение видовой принадлежности 182 образцов кожи, выполненное на факультете товароведения и экспертизы товаров (сырья) животного происхождения московской ветеринарной академии им. К.И. Скрябина.

Практической значимостью работы является комплексное исследование кожевенно-сапожного ремесла Великого Новгорода, позволяющее построить периодизацию поступательного развития этого направления ремесленной деятельности.

Анализ обувных коллекций дает возможность определить степень распространения и время бытования отдельных моделей, реконструировать схему их раскроя, сборки и декорировки. Значительное количество обуви иностранного производства, зафиксированной в разных частях города, свидетельствует о высоком уровне развития торговых и культурно-исторических связей Великого Новгорода.

Материалы раскопок в сочетании с данными письменных источников дают возможность получить представление о видах кожевенного сырья, способах его доставки, приемах обработки и пр. Определенный интерес представляют «кислые колодцы», отмеченные в актах передачи недвижимости времени шведской оккупации, что указывает на использование при выделке кожи и меха подземные воды минеральных источников.

Выводы диссертации представляют интерес для изучения ремесла древнерусского города. Они могут быть использованы в работах археологов, историков костюма, культурологов и антропологов.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования отражены в докладах, прочитанных на международных, всероссийских и регио-

нальных конференциях, съездах и семинарах (Объекты культурного наследия в современном обществе (Музеи Московского Кремля), Новгородском семинаре (кафедра археологии МГУ), Новгородской конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология» II и III-м археологических съездах, проходивших в Суздале (2008 г.) и Старой Руссе (2011 г.). По теме диссертации автором был опубликован ряд статей в различных сборниках (Вестник НовГУ, Вестник МГОУ, Новгород и новгородская земля), и журналах (Древняя Русь. Вопросы медиевистики, Российская археология, Родина, Проблемы истории, филологии, культуры).

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Диссертация состоит из введения, шести глав и заключения. В шести приложениях к диссертации представлены: альбом иллюстраций (приложение № 1), терминологический словарь (приложение № 2), каталог находок, включающий 18 696 предметов (приложение № 3), результаты видовой определения изделий из кожи, выполненные на факультете товароведения и экспертизы сырья животного происхождения МВА им К.И. Скрябина (приложение № 4). В приложение также выведено описание металлических обувных подковок и обувных шипов (приложение № 5), а также размерные характеристики новгородской обуви, построенные на результате обмеров 3024 подошв (приложение № 6).

Во введении работы обосновывается выбор темы, ее практическое значение, ставится проблема, разрешению которой посвящена данная диссертация, определяется материальная база исследования (археологический материал и письменные источники) и хронологические рамки исследования (X-XVII вв.). Здесь же представлена структура работы с кратким содержанием глав и приложений, а также перечислены основные публикации и доклады, посвященные исследуемой теме.

Глава I «Характеристика источников и историографический обзор».

Источники. Основой для изучения кожевенно-сапожного производства средневекового Новгорода, особенно раннесредневекового периода, являются археологические коллекции. В начале главы дается краткая характеристика семнадцати новгородских раскопов, расположенных во всех пяти концах (административных районах) Великого Новгорода. В характеристике обозначено время раскопок, представлено имя их руководителя, указана площадь исследования, мощность и дата культурных напластований, а также численность обработанной автором коллекции «археологической кожи». Наиболее многочисленной является коллекция Троицкого раскопа, площадь которого на сегодняшний день составляет 7000 м². С территории I – XIV Троицких раскопов собрано 11 626 деталей кожаной обуви жесткой и мягкой конструкции, основная часть которых датируются XI - XV вв.

Собранные и организованные в базу данных находки, дают возможность проследить время бытования тех или иных конструкций, появление определенных технологических приемов, изменения качества материала, качество его выделки.

Комплексный подход, применяемый для исследования кожевенно-сапожного ремесла, предполагает активное использование письменных источников. Несмотря на их малочисленность и лапидарность, содержащиеся в них сведения способствуют решению целого ряда вопросов. В частности, в берестяных грамотах №№ 261-264, единый документ

найденный на усадьбе «Е» Неревского раскопа, (стратиграфическая дата 70-90-е гг. XIV в.) (Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 510-511), содержится важная информация для понимания эволюции термина «сафьян». О сырьевой базе кожевников дают представления грамоты № 133 и № 622 (стратиграфическая дата вторая половина XIV-нач.XV в.), № 153, 266/275, 384 (XII-XIV вв.) где упомянуты шкуры нерпы, лося и оленя (Янин В.Л. Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг). М., 1993. С. 150).

Несомненный интерес для исследования кожевенно-сапожного ремесла, представляют новгородские писцовые, лавочные (оброчные) книги. Самые ранние из перечисленных выше письменных источников относятся к последней четверти XVI столетия, однако содержащаяся в них информация дает возможность лучше представить условия организации производства и быта ремесленников более раннего периода. Так, несмотря на тяжелое положение, сложившееся в Новгороде на момент переписи, в лавочных (оброчных) книгах упомянуты зажиточные ремесленники, имевшие несколько лавок, или владевшие каменными лавками. Так, сапожник Терентий Иванов, проживавший на Никитиной улице, держал 6 лавок. Проживавший на той же улице кожевник Карпик владел двумя лавками (Бахрушин, С.В., Лавочные книги Новгорода Великого, 1583 г. М., 1930. С. 38). Отдельные кожевники занимали административные должности. В частности, в «Записной книге купчих, закладных и меновых на двory в Великом Новгороде 7099 г» (сентябрь 1590-август 1591 гг.) неоднократно упомянут сотский Дослане ул. – Сидор Федоров, сын кожевник, а также сотский Борковой улицы Нечай Оксентьев, сын кожевник (Великий Новгород во второй половине XVI в. СПб., 2001. С. 118-172).

Представление о динамике экспорта русских кож на протяжении XIV-XVII вв. дают документы из немецких городов. По мнению А.Л. Хорошкевич, русские кожи, как товар, появляются на западном рынке лишь в XV в., хотя регулярность и объем поставок в то время еще были невелики (Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода в XIV-XV вв. М., 1963 С. 156). С конца XV в. структура русского экспорта стала существенно меняться. Воск и пушнину стали теснить кожа, сало и ворвань (Хорошкевич, 1980. С. 27).

Историография новгородского кожевенно-сапожного ремесла очень невелика. Однако для полноты изложения историографический очерк представлен в общем контексте истории исследования кожевенно-сапожного ремесла, начало которого следует относить ко второй половине XIX века. В начале XX в. появляется несколько справочников и пособий, являющихся своего рода систематизированными этнографическими материалами по кустарному кожевному производству, на фоне которых выделяется монография

Г. Поварнина, опубликованная в 1912 г. (Поварнин Г.Г. Очерки мелкого кожевенного производства в России. СПб., 912).

Новый этап в истории изучения средневекового кожевенно-обувного производства целесообразно связывать с привлечением массового археологического материала, связанного с началом широкомасштабных полевых исследований начатых под руководством А.В. Арциховского в 1932 г. В первый же сезон на раскопе, заложенном у ц. Ильи Пророка, в заполнении одной из построек, которую А.В. Арциховский определил как «избу сапожника» XII в., были обнаружены многочисленные отходы от раскроя обуви.

Расширение площади городских раскопок в 40–х гг. XX в., способствует появлению специальных исследований археологических коллекций. Уникальные особенности «мокрого слоя» Новгорода и значительная площадь исследованной территории способствуют собирательному описанию и атрибуции кожаных предметов, приведенных в работе Л.И. Якуниной «Новгородская обувь XII–XIV вв.» (Якунина Л.И. Новгородская обувь XII–XIV вв. // КСИИМК. Вып. XVII. М.-Л., 1947), которая фактически является первой советской публикацией посвященной «археологической коже». Однако это исследование было проведено без описания конструктивных деталей и стратиграфического анализа находок, что, в совокупности с использованием в качестве аналогий этнографических коллекций различных регионов России, привело автора к серьезным ошибкам в датировке находок.

Следующим шагом в разработке археологического материала, как одного из видов исторических источников, можно считать обобщающую статью С.А. Изюмовой, где были использованы материалы Неревского раскопа Новгорода Великого (Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. // МИА. 1959. Вып. 65). Обширная коллекция, охватывавшая период с XI по XV вв., позволила автору провести статистическую обработку массового материала по ярусам застройки, выстроить типологическое членение обуви, проследить ее конструктивное изменение и способы орнаментации. Во второй части работы рассмотрена технология сапожного ремесла, способы реализации продукции, места расселения ремесленников и многие другие вопросы, существенно продвинувшие методику разработки археологических источников. Следует отметить, что для своего времени, работа С.А. Изюмовой являлась эталоном для сравнительного изучения кожевенно-сапожного производства в городах Восточной Европы. В 1967 г. эта статья была опубликована на английском языке, и в последующие годы на нее стали ссылаться не только отечественные, но и зарубежные исследователи.

Количественный рост коллекций кожаных предметов из раскопок городов в разных регионах Восточной Европы привел к необходимости более детального и разностороннего анализа находок с привлечением физико-механических и химических анализов кожевен-

ного сырья. Такие анализы были сделаны на материалах Полоцка (Штыхов Г.В. Древний Полоцк. Минск, 1975. С. 72- 73), Витебска (Левко О.Н. Витебск XIV - XVIII вв. Минск, 1984. С. 99-100) и Минска (Соболь В.Е. Минск XIV - XVIII вв. Л., 1988. С. 18). Особенно примечательны работы Г.В. Штыхова, исследовавшего кожевенную мастерскую XIII в. на Верхнем Замке Полоцка (Штыхов Г.В. Древний Полоцк. Минск, 1975. С. 42). Полученные экспериментальные данные открыли новые возможности для выявления технологии выделки кож, техники пошива и декорирования обуви.

Новый этап в изучении истории кожевенно-сапожного ремесла связан с деятельностью научного сотрудника ИИМК РАН А.В. Курбатова. Со второй половины девяностых годов начинают выходить его работы, в которых ставится задача сбора всего объема находок, включая обрезки от раскроя, обладающих высокой информативностью, формулируются принципы создания эталонных коллекций и схемы их описания. (Курбатов, А.В. Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожевенного производства. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Археологические изыскания. Вып. 3. Л., 1991; Курбатов, А.В. Опыт исторической интерпретации изделий кожевенно-обувного производства // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб., 1994). Образцовой можно считать обработку материала, собранного этим исследователем при раскопках Тверского Кремля в 1993-1997 гг. Тверская коллекция изделий из кожи, включающая обрезки от раскроя насчитывающая более 90 тысяч предметов, была описана, систематизирована и сдана на хранение в местный музей. Одной из важнейших задач исследователь видит в использовании материалов широкомасштабных раскопок прежних лет, хранящихся в музейных фондах.

Описание и систематизация кожаной обуви Новгородской земли продолжена в дипломных работах молодых исследователей - выпускников кафедры археологии МГУ. Обработке кожи посвящена дипломная работа И.В. Ситниковой, исследовавшей технологию сапожного ремесла по материалам Нутного раскопа. Особый интерес представляет описание двух сапожных мастерских, работавших на территории одной усадьбы во второй половине XIV – первой половине XV вв. На основании анализа производственных отходов И.В. Ситникова делает заключение о работе ремесленников сапожников на рынок, что отражает тенденцию к товарности производства (Ситникова И.В. Обработка кожи в Древнем Новгороде (по материалам Нутного раскопа) Дипломная работа. Научный руководитель член-корр. АН СССР В.Л. Янин. Библиотека кафедры археологии МГУ. М., 1981).

Туфли Неревского раскопа были исследованы в дипломной работе Д. И. Соловьева, представившего различные формы верха туфель и типы орнаментов. Изучение данного материала позволило автору выделить традиционные для формы раскроя верха, а также

отметить редкие экземпляры, не характерные для Новгородской обуви XI-XIII вв. (Соловьев Д.И. Кожаная обувь (туфли) средневекового Новгорода по материалам Неревской коллекции. Дипломная работа. Научный руководитель профессор д.и.н. А.С. Хорошев. Библиотека кафедры археологии МГУ. М., 1999).

Среди работ современных европейских специалистов, занимающихся исследованием средневековой обуви, представляющих интерес для истории новгородского кожевенно-сапожного ремесла, следует отметить исследования Грэнман-ван Ваатеринге (Голландия), рассматривающего коллекцию археологической кожи из Сведенборга XII-начала XVI вв. (Groenman-van Waateringe W. Leather from medieval Svendborg // The archaeology of Svendborg, Denmark. Vol. 5. Odense, 1988. P. 71), а также современные исследования польских ученых, к которым принадлежат труды Беаты Висковской и Анны Ковальской (Польша) (Wywrot-Wyskowska Beata «Skórnictwo w lokacyjnym kołobrzegu. XIII-XV wiek» Szczecin, 2008; Kowalska Anna B. Wczesnośredniowieczne proce ze Szczecina – groźna broń, skuteczne narzędzie czy dziecięca zabawka?; Die fruhmittelalterliche Schleuder von Szczecin – gefährliche Waffe, nützliches Werkzeug oder Kinderspielzeug?; // Materiały zachodniopomorskie. Rocznik Naukowy Muzeum Narodowego w Szczecinie tom IV/V 2007/2008. Szczecin. 2010).

Глава II «Описание и систематизация коллекций «археологической кожи» и производственных отходов». В начале главы рассматривается существующая в настоящее время проблема описания и систематизации коллекций «археологической кожи» и производственных отходов. Здесь же дана характеристика отобранной новгородской коллекции и представлена методика ее обработки.

Проблемы систематизации и описания обувных коллекций. Очевидно, что для определения уровня развития кожевенно-сапожного ремесла, особую ценность имеют не единичные (пусть даже очень редкие) вещи, а весь объем находок, поскольку массовая продукция ремесленников несет в себе всю информацию, собранную в ходе эволюции промысла (Джонс Дж. Инженерное и художественное проектирование М., 1976. С. 35). Количественный рост коллекций кожаных предметов из раскопок городов в разных регионах Восточной Европы требует их детального и разностороннего анализа. Однако далеко не везде обработка коллекций «археологической кожи» выполняется на должном уровне. Специфика этой категории археологических находок требует знакомства с принципами конструирования обуви, приемами ее раскроя и сборки, а также владения терминологией сапожного ремесла.

В свое время, для описания и систематизации массовых обувных коллекций автором диссертации, совместно с Ю.А. Лихтер, была разработана специальная методика сис-

темного описания и классификации коллекций кожаной обуви, дающая возможность описывать и систематизировать найденные в слое обувные детали на стадии камеральной обработки, без привлечения специалистов-обувщиков, опубликованная в виде брошюры (Осипов Д.О. Лихтер Ю.А. Системное описание и классификация кожаной обуви. Методические рекомендации. М., 2004). Организация исследования по принципам системного подхода позволяет создать классификацию, при помощи которой можно выявить направленный процесс развития различных подсистем (технологии, материала, морфологии и функции) и выявить связь между ними. Стандартизацию описания облегчает возможность современного программного обеспечения, позволяющая создавать виртуальные базы данных. Основные положения методики системного описания использовались и при обработке обувной коллекции Великого Новгорода.

Методика полевой фиксации и обработки коллекции «археологической кожи». Коллекции «археологической кожи» являются основным, постоянно пополняющимся источником для исследования кожевенно-обувного производства. Во влажном, гумусированном слое Великого Новгорода детали кожаной обуви встречаются повсеместно. Значительный процент составляют полные наборы деталей одного изделия, что для коллекций других древнерусских городов большая редкость. При раскопках сапожных мастерских или мест массовой утилизации их отходов, количество обувных деталей и обрезков от раскроя достигает десятков тысяч единиц!

Практика камеральной обработки археологического материала, сложившаяся еще на начальной стадии раскопок, предусматривала отбор основной массы кожаных предметов. Для коллекции отбирались как целые формы, так и разрозненные детали, а также их фрагменты. Взятые из слоя находки хранятся в фондах НГОМЗ с шифром, где указано наименование раскопа, номер пласта и квадрата. Полевые описи, составленные по правилам археологического черчения, дают представление о форме детали, ее размерах, типе швов и способе декорировки, что позволяет использовать полевые описи для формирования электронной базы данных.

В камеральной лаборатории НАЭ, работающей на базе Центра по организации и обеспечению археологических исследований НГОМЗ, проводится необходимая обработка и первичная реставрация всего объема «археологической кожи», передаваемого после окончания раскопок в фонды археологического отдела Новгородского государственного объединенного музея – заповедника, где за 80 лет систематического археологического изучения (с 1932 г.) накоплена уникальная по количеству и разнообразию коллекция средневековых кожаных изделий, основную часть которой составляет обувь. Отмытая в

камеральной лаборатории кожа хранится в сухих проветриваемых помещениях при температуре, исключающей ее усыхание и плесневение.

Наиболее информативные находки подлежат консервации и реставрации. Благодаря квалифицированной работе музейных реставраторов, основная часть принятой на хранение кожи поддерживается в хорошем состоянии, сохраняя свою мягкость и гибкость. Тесное сотрудничество НАЭ и НГОМЗ способствуют организованному доступу в археологическое хранение для работы с материалами раскопок, содержащихся в соответствии со всеми правилами музейного хранения.

Для работы над диссертацией автором были просмотрены все полевые описи указанных выше раскопов, а также исследованы музейные коллекции НГОМЗ, где хранятся сами вещи. Для их датировки привлекались научные отчеты, хранящиеся в архиве Института археологии РАН, а также многочисленные публикации материалов раскопок. Для фиксации скоплений производственных отходов анализировалась статистика распределений изделий из кожи, представленная в отчетах по пластам и ярусам. В отдельных случаях, в качестве уточняющей информации, привлекались полевые дневники начальников участков, хранящиеся на базе НАЭ.

В работе использованы коллекции семнадцати раскопов, расположенных в разных концах средневекового города. Общее количество находок, составляющих базу данных, насчитывает 18 860 единиц. Кроме этого, при работе над темой были использованы материалы, обработанные автором ранее. К ним, в частности, относится коллекция Десятинного раскопа 2010 г. насчитывающая 836 находок, по материалам которой автором диссертации было написано приложение к научному отчету 2008 года (Осипов Д.О. Коллекция изделий из кожи Десятинного раскопа в Новгороде / Приложение к Отчету о проведении охранных археологических исследований на месте строительства жилого дома по адресу г. Великий Новгород ул. Добрыня д. 9 /27 и ул. Десятинная д. 25 /10 в квартале 128 в 2008 г. Т. 28 С. 110-124. ОПИ ИА РАН 2010. Т. 28. Приложение 15. С. 110-124). Таким образом, для исследования задействован материал всех крупных новгородских раскопов (Неревский, Троицкий, Десятинный, Федоровский), а также менее масштабных охранных и научных исследований с хорошей стратиграфией и надежной датировкой культурного слоя.

На площади раскопов, материалы которых были использованы для подготовки диссертации, помимо обилия обувных деталей, были зафиксированы производственные комплексы кожевенных и сапожных мастерских, содержащие многочисленные скопления обрезков от раскроя, отходы кожевенного ремесла, остатки производственных помещений и инструменты ремесленников.

Глава III «Технология кожевенного и сапожного ремесла». С глубокой древности кожа, как один из видов природных источников сырья, занимала в жизни человека особое место. По доступности, повсеместному распространению и восполняемости ресурсов, она уступает только дереву. После специальной обработки, шкуры животных превращались либо в меховой товар, либо в различную по качеству выделку кожи.

Самая примитивная выделка заключалась в очистке внутренней стороны шкуры (бахтармы) от остатков мяса, смягчение ее мозгом или жиром убитого животного и копчение над дымом, консервирующие свойства которого были известны человеку с глубокой древности. Уже в бронзовом веке постепенно усложняющийся процесс выделки кожи приводит к появлению профессиональных специалистов-кожевников, занимавшихся выделкой шкур и изготовлением изделий из кожи (Зыбин Ю.П. *Технология изделий из кожи*. М., 1975. С. 6).

Видовое разделение сырья. В средневековье наибольшей популярностью для изготовления обуви, деталей одежды и других бытовых изделий пользовались шкуры крупного рогатого скота (КРС). Для них характерно рядное расположение устьев каналов волосяного ствола, практически одинаковых по форме и размерам. Ряды каналов неровные, волнообразные. Поверхность шкуры бугристая. Рисунок лицевой поверхности выделанной кожи (мереи) может различаться в зависимости от возраста животного и топографии шкуры. Использование свиных кож было исключительным в связи с повышенным содержанием жиров, требующих при обработке нерационально больших затрат времени и физических усилий (разминание), а также более рыхлую структуру, вызванную неравномерностью связей коллагенов в разных слоях кожи, что вызывает ее расслоение.

Топография шкуры. Помимо видового различия шкур, их классифицируют в зависимости от расположения на определенном участке тела животного, что также сказывается на свойствах материала. В частности ворот (вороток) – часть шкуры, расположенной у шеи и груди животного, использовали для нарезания ремней или колец для крепления оглобель к саням. К ранним упоминаниям этого термина относится запись 1589 г. «*Купил старец ... двои полы красные с воротами да двои белые, да пят(ь) телятин поднарядных*» (Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. СПб., 2003. С. 100-101).

Огузок – кожа с задней части животного, отличающаяся повышенной прочностью, и потому имевшая собственное название. Согласно М. Фасмеру, это слово заимствовано русским языком из тюркского, где имело такое же значение – кожа со спины лошади (Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х тт. СПб., 1996. С. 542).

Забой скота и получение шкур могло осуществляться различными способами. В частности, плановый забой домашних животных в личных хозяйствах проводился поздней

осенью. Об этом, в частности, упоминает А. Контарини, бывший в России с 25 августа 1476 года по 21 января 1477 года (Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 8). Сезонная охота и промысел лесных животных проводились, в основном, осенью и ранней зимой, когда животные находятся в хорошей кондиции, а молодежь уже подрос. Наиболее часто охота и промыслы упоминаются в документах по районам Сибири и Русского Севера – местах традиционного звероловства (Курбатов А.В. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // *Stratum plus* № 5. Кишинев, 2010. С. 173). Внеплановое снятие шкур, получивших название – «зверобойные», проводилось с павших или умерщвленным зверем домашних животных. Причинами падежа могли стать старость, бескормица или загон от работы. Для шкур, снятых с падшей скотины, которых старались выделять особо, существовало общее наименование «харавье» (Устюгов Н.В. Ремесло и мелкое товарное производство в русском государстве XVII в. // Исторические записки. Т. 34. М., 1950. С. 190).

Консервация сырья. Для того, чтобы доставить снятые шкуры к месту их выделки, требовалась законсервировать их. В средневековье шкуры, как правило, высушивали, предохраняя их от гниения. Практика высушивания кож подтверждается записями в Новгородской книге Московской Большой таможни 1693-1694 гг: «Явил устюжанин Иван Микитин сын Швецов ... да тифинца Ермолая Семенова сына Бельского по тифинской выписи 260 кож говяжьих сухих и выростков» (Книги Московской Большой таможни 1693-1694 гг. Труды ГИМ. Вып. 38. М., 1961. С. 45).

Процесс выделки кож. Для того чтобы шкура животного превратилась в высококачественный товар, ей необходимо пройти сложный процесс обработки, включающий ряд операций, иначе шкура теряет свою гибкость и эластичность, сохнет или загнивает. Прежде всего, со снятой с животного шкуры удаляли подкожную клетчатку и жировые отложения, а затем сушили, вывешивая на шестах где-нибудь в тени на ветру. Следующей предварительной стадией обработки шкур являлось размачивание. Напитываясь водой, шкуры делались мягкими и гибкими. После размачивания, длительность которого устанавливалась в зависимости от состояния шкуры, ее мездрили - удаляя с внутренней стороны кожи остатки мяса и жира (мездры), после чего шкуру снова замачивали или промывали. С целью размягчения шкуры и ослабления ее связи с волосяным покровом проводилась золка кож. Для золки, как правило, использовались большие круглые чаны диаметром около 2 м, в которых кожа выдерживалась 7-8 дней.

Для размягчения эпидермиса использовалась известь вперемешку с золой, или только известь. Способ золки с применением одной только извести способствовал большей жесткости кожи (Поварнин Г.Г. Очерки мелкого кожевенного производства в России.

СПб., 1912. С. 31). В новгородских писцовых книгах среди перечня занятий городских жителей упоминается золяник (золеник). *«Место пусто тяглое Филковское Нефедова золяника»*. (Новгородские писцовые книги. 1584 г Т. I. СПб., С. 189). Под «золяником», скорее всего, подразумевается не ремесленник - производитель золы, а оптовый торговец, обеспечивающий золой крупнейший производственный кожевенно-меховой центр того времени, каким был Новгород.

Не менее важным процессом является бучение, или киселевание кож, производившееся в несколько стадий. Сначала кожа обрабатывалась при помощи ячменных киселей или раствора, приготовленного из пшеничных отрубей, что способствовало разрыхлению структуры коллагенов, облегчая дубильному раствору проникновение в толщу кожи. В результате подобной обработки кожа становилась мягкой и эластичной, благодаря чему могла выдерживать, не ломаясь, множество перегибов.

Еще одной стадией бучения является шакшевание – обработка кожи при помощи определенных ферментов. В древности эту операцию производили с использованием подгнившей крови и экскрементов, При шакшевании кожи сначала раздуваются и становятся очень упругими. Но затем упругость уменьшается, что служит сигналом для вытаскивания кожи из чана. В результате такого воздействия получалась мягкая и бархатистая кожа, весьма восприимчивая к дубильному раствору.

На завершающей стадии обработки кожи подвергались дублению - пропитке дубильными веществами, что повышало водоотталкивающие свойства кожи, ее эластичность и устойчивость к процессам гниения (Зыбин Ю.П. История развития конструкций обуви. Учебное пособие по курсу лекций. М., 1978. С. 31).

Материалами для таннидного дубления кож служила кора деревьев, богатая таннидами (дуб, ива, ольха и пр.), для которой с XVI в. известен собирательный термин «корье». *«Кожевнику Никону Новоторжцу дано на кор(ь)е 10 алтън, да ... на кожи дана полтина»* (Приходно-расходная книга Иосифова Волоколамского монастыря. Архив СПбИИ РАН. № 6, 76 об. 1588 г).

Крашение кожи. В качестве красителей использовали как растительный материал (корье и листья), так и минеральный (соли железа). Для получения различных оттенков красного цвета кожу, со стороны бахтармы, натирали охрой. Желтый краситель получали из листьев березы, чтобы окрасить кожу в коричневый цвет, использовалась ивовая кора. Зеленый цвет достигался при использовании купороса, смешанного с настоем из корня барбариса. Более качественный окрас требовал заграничных красителей (чернильные орешки, сандал, квасцы, которые в больших количествах закупались в Европе и в странах

Востока (Костомаров Н.И. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI-XVII столетиях. М., 1992. С. 281).

Изготовление обуви выглядит как направленный процесс смены приемов раскроя и сборки, шедший по линии увеличения количества деталей, что способствовало экономии материала и повышению износоустойчивости конструкции.

Раскрой. К начальной стадии изготовления обуви относится обмер ноги. Самый примитивный способ обмера - очерчивание контура стопы. По ее контурам выкраивались заготовки деталей, а уже затем производилась сборка обуви. В кустарном обувном производстве существовала определенная система обмеров объема стопы и голени для разметки деталей. Одним из основных является замер окружности стопы на подъеме с фиксацией крайних точек на плоскости подошвы в области свода, а также окружность в пучках. Эти параметры задавали индивидуальную ширину головки и форму боковых обрезов. Раскрой голенищ связан, как минимум, с двумя замерами и также был индивидуальным. Замерялся объем лодыжки и икры.

Сборка обуви. У архаичных форм обуви детали скреплялись не нитками, а узким ремешком. В Новгороде таким способом соединялись согнутые углы поршней, образуя шов в виде косички. В этом случае вместо круглых отверстий на деталях оставались заостренные или прямоугольные прорезы.

Для сшивания основной части обуви использовались нитяные швы. Для соединения подошвы и верха, а также для сшивания деталей верха, использовались различные швы, которые несли основную нагрузку и отличались большой надежностью. Основными видами швов на обуви и других кожаных изделиях являются: сквозной шов, называемый иногда сандальным; выворотный, тачной, потайной, шов через край (переметочный). Соединение производилось льняными нитями, которые дополнительно вощились. Куски воска, которым натирали (вощили) нить, предохраняя ее от гниения, неоднократно встречаются в Великом Новгороде вместе с другим сапожным инвентарем.

Аккуратные ряды одинаковых прорезей, расстояние и направление которых точно выдержано, свидетельствуют о продукции сапожного мастера. Неровные и разнонаправленные ряды, наоборот, указывают на работу непрофессионала. На изготовлении прорезей, не сильно влиявших на качество пошива, могли использовать учеников «набивавших» руку на простых операциях.

Мягкие полусапожки, состоящие из двухчастного вытяжного верха и подошвы, соединялись с подошвой тачным швом в положении бахтармой вверх, а затем выворачивались. Сапоги более сложного кроя, имевшие головку, задник и двухсоставное голенище сшивались следующим образом: две половины голенища сшивались тачным или выворот-

ным швом с головкой и задником, а затем при помощи тачного шва крепились подошва. Пятка подошвы могла быть округлой и заостренной, вшивавшейся в соответствующий вырез задника. Голенища могли стягиваться ремешком вокруг щиколотки или по верху. Полусапожки с ремешками вокруг щиколотки, судя по небольшим размерам, могут быть отнесены к подростковой обуви.

У обуви жесткой конструкции сшивание можно представить в виде двух технологических схем, различающихся последовательностью присоединения головки к голенищу и подошве. Вначале головку вместе с поднарядом пришивали к подошве или голенищу. Соединение было выворотным и велось, скорее всего, от носка к заднику. Боковые обрезы головки примерно на 2,5 см оставались несшитыми. После пришивания головки к подошве она выворачивалась на лицевую сторону. Голенище готовилось отдельно. Две его половины сшивались тачным швом с бахтармы и выворачивались. Для удобства соединения могли использовать округлую деревянную основу. Задник могли пришивать к голенищу и до и после его соединения с головкой. Но в любом случае, задник сначала соединяли с голенищем, а затем последовательно с головкой и подошвой.

Для удобства сборки сапожки пользовались «шпандырем» (нем. Spannriemen – натяжной ремень), при помощи которого мастер притягивал и удерживал на коленях обрабатываемую им обувь. От существительного «шпандырь» происходит глагол «пришпандорить», т. е. что-либо сильно прикрепить.

Глава IV «Организация кожевенного и сапожного ремесла». В четвертой главе рассматриваются различные способы доставки сырья, представляется найденный при раскопках кожевенный и сапожный инструментарий, определяется дата разделения единого некогда процесса, локализуются месторасположения мастерских и пр.

I. Кожевенное ремесло.

Сбор кожевенного сырья. Для организации бесперебойного производственного процесса, кожевник должен был постоянно пополнять сырьевой запас. Массовые поставки шкур домашних животных, служивших основным видом кожевенного сырья, могли быть организованы различными способами:

1. Постоянным источником являлись взаимовыгодные связи с городскими мясниками, которым скот поступал в живом виде.
2. Обильные поставки шкур связаны с массовым забоем скота в окрестных селах, который происходил поздней осенью.
3. По зимним путям на новгородский торг поступали шкуры из дальних рубежей новгородской земли и других регионов.

Инструменты кожевника. Сведения письменных источников, упоминающих сапожные инструменты, дополнены археологическим материалом. Представленный ниже набор технического обеспечения, использовавшийся для выделки кож, следует разделить на три группы: собственно инструменты, оборудование мастерских и расходные материалы. Инструменты, в свою очередь, подразделяются на специальные, и универсальные.

К специальным инструментам, в частности, относится специальный инструмент в виде крюка. При разминании за один конец крюка подвешивали кожу, а другой натягивали рукой. Второй рукой, держа крюк за рукоять, а ногу вставив в ременную петлю, водили крюком по бахтарме сверху вниз. При разминании овчины, тупым толстым лезвием крюка водили по мездре, что у кустарей называлось «мять в крюку» (Словарь русских народных говоров. 1979. Л., С. 356, 357). В начале такие крюки изготавливали из дерева, позднее стали делать из железа. К самым ранним крюкам относится деревянный инструмент, зафиксированный в ранних напластованиях Старой Ладogi (Орлов С.Н. Деревянные изделия Старой Ладogi VII-X вв. Дисс. канд. ист. наук. Л., 1954. С. 8). В Великом Новгороде обломок железного крюка был найден на Троицком IX раскопе, в слое третьей четверти XIII в. Он имеет вид V-образного двузубца, с двумя дугообразно отходящими от основания ручки зубцами, один из которых короче и слегка отогнут наружу, а другой имеет петлю для крепления поножи. По-видимому, инструмент был выброшен, поскольку рукоять, на которой он крепился, оказалась обломана у самого основания

К инструментам универсального типа, которые могли использовать и в кожевенном ремесле, относятся упоминаемые в письменных источниках «емки» - железные щипцы, которыми могли использовать для переворачивания и доставания кож из чанов. «5 кулаков железных болиих, клещи да емки, ломница» (Рукописное собрание И.Х. Гамеля. СПбИИ РАН. ф. 175. сст. 3. 1629 г).

Оборудование кожевенных мастерских. Для дубления и золки кожи использовали специальные емкости – *кожевенные чаны* (дошаны). При раскопках Великого Новгорода подобные приспособления находили на Славенском холме, а также на Неревском и Дмитриевском раскопах. Количество чанов, использовавшихся в мастерской, и их объем зависел от производственных возможностей и технологии выделки кож, предполагавшую определенную последовательность операций.

Для разминания кож применялось специальное приспособление, называвшееся *беляк*, использовавшееся следующим образом: один конец жерди вставляется в гнездо, другой подвижный конец ходит вверх-вниз между двумя вертикально стоящими досками, вбитыми в массивный брус. На концы вертикальных досок набрасывается кожа и один человек придерживает ее за края, в то время как другой, с помощью жерди ужимает кожу

между вертикальными досками. Деталь такой кожемьялки была обнаружена при раскопках Старой Ладоги в слое VIII-IX в. Она представляла собой хорошо обработанный брус подтреугольной формы длиной 0,85 м, и шириной 0,15 м. Высота в центральной части бруса составляла 0,25 м. По краям бруса проделаны две симметричные выемки, предназначенные для толстых веревок.

К расходным материалам, маркирующим деятельность кожевенной мастерской, относятся скопления золы, шерсти и корья, использовавшиеся при золке и дублении кож. В Великом Новгороде подобные скопления встречались неоднократно. В частности, они неоднократно были зафиксированы на Неревском раскопе.

Имущественное положение кожевников. Для исследования кожевенно-сапожного ремесла представляется важным рассмотреть имущественное положение кожевников, которое было значительно дифференцированным. Уже для XII в. Б. А. Колчин и В.Л. Янин отмечают различия между крупными мастерскими, в которых хозяин работал с подмастерьями и учениками, и мелкими, едва кормившими одного мастера. «Среди раскопанных нами ремесленных мастерских мы можем выделить большие богатые постройки, оснащенные многочисленными приспособлениями, инструментарием со следами интенсивного производства. Это мастерские, в которых, кроме владельца, могли работать еще подмастерья и ученики. Но мы находим также маленькие мастерские или производственные комплексы внутри жилищ, в которых мог работать только один мастер» (Янин В.Л. Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода М., 1978. С. 32).

Судя по лавочным книгам, на фоне общего числа ремесленников, занимавшихся выделкой кож, процент владельцев зажиточных мастерских незначителен, что свидетельствует в пользу того, что основное количество кожевников не отличалось большим достатком. В то же время, очевидно, что даже в трудное для Новгорода время (конец XV в) здесь существовали кожевники, имевшие от двух до пяти торговых заведений.

Расположение кожевенных мастерских. На сегодняшний день эта принципиально важная для данного исследования тема, может быть освещена лишь в общих чертах. Высокий уровень развития кожевенного ремесла подразумевает большое число кожевенных мастерских, основная часть которых располагалась в районе «Кожевники». К сожалению, подавляющая часть этой территории никогда не исследовалась стационарными раскопками. Прибрежные участки оказались недоступны после строительства плотины и значительного повышения уровня воды в Волхове. Неревский раскоп, где были обнаружены богатые боярские усадьбы, не затронул основного ядра поселения кожевников, расположенных к северо-востоку от исследуемой территории.

Отдельные сведения о следах кожевенных мастерских на территории города, полученные по результатам раскопок, следует пересмотреть. К ним, в частности, относится информация о раскопках новгородского музея в 1946-47 гг. на Ярославовом дворище. В качестве кожевенной мастерской исследователями было атрибутировано производственное сооружение, центральную часть которого занимала постройка прямоугольной формы, изготовленная из плотно вбитых в землю широких плах, которые образовали емкость, служившую, по мнению исследователей, для замачивания и обработки кож (Константинова Т. М. Археологические работы Новгородского музея в послевоенный период. Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959., С. 110-118). На дне емкости, названной публикатором «мочилом» частично сохранилась выстилка из досок и крестовин. У юго-западного угла «мочила» стояла деревянная бочка хорошей сохранности, высотой 70 см и диаметром 45 см. При очистке бочки от заполнившей ее грязи, обнаружилось прямоугольное отверстие 20 x 12 см, к которому снаружи примыкала труба длиной 1 м 40 см и диаметром, равным снаружи 36 см, внутри 24 см. Труба лежала на материке и от бочки шла в северную стенку небольшого колодца (120x124 см) на уровне его 5-6 венца. Глубина колодца от сохранившегося верхнего венца до пола равнялась 1,9 м. Из западной стены колодца выходила еще одна труба, выводившая воду в Волхов. По мнению авторов раскопок, изначально колодец был частью дренажной системы, приспособленной впоследствии для производственных нужд. В XV в. колодец оказался засыпан.

Невнятное описание построек, сомнительные датировки, обусловленные отсутствием опыта городских раскопок, а также местоположение - резиденция князя, заставляют сомневаться в правильности такой атрибуции. Скорее всего, раскопками на Ярославовом дворище был зафиксирован какой-то поздний погреб и остатки дренажной системы.

В то же время, следует обратить внимание на тот факт, что вода в колодце была соленой (минеральной Д.О.) и имела низкую температуру равную 8 С°. Именно так же выглядели «кислые колодцы», упомянутые в актах купли/продажи на дворах кожевников, расположенных на ул. Досланы. Сам факт наличия там «кислых» колодцев свидетельствует о практике пикелевания. Следует отметить, что в кожевенном ремесле пикелевание чаще всего использовалось при обработке пушнины. Учитывая важность пушного промысла для новгородской торговли, можно предположить, что выделкой пушнины могли заниматься непосредственно в городе, где была возможность обеспечить более качественную выделку драгоценного меха, чем на месте промысла, где, скорее всего, производили только подготовительные стадии обработки шкур.

Более надежные свидетельства о существовании кожевенных мастерских можно обнаружить в материалах Неревского и Дмитриевского раскопах. Социальная характеристика жителей усадьбы «А», попавшая в площадь Дмитриевского раскопа, была установлена в результате находки берестяной грамоты № 536, датирующейся 2-ой пол. XIV в. *«Поклон от ... к попу. (Я (?) послал денег да пять ...? `Купи мне) да ... (милотарского ...пол-локтя, а две трети. Замоchi и пристриги (это сукно (?), а образец я послал. И пошли (мне) с теми же людьми. Да пошли сапожных гвоздей (?) на деньгу. А я тебе кланяюсь»* (Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 629).

По мнению А.С. Хорошева, адресат грамоты - поп (приходской священник), часть усадьбы которого арендовал мастер-кожевник (Хорошев А.С. Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982 С. 265). Термин «милотарь» или «милоть» определяется как овчина или кожа. В древнерусском языке овечью и козью шкуру, а также одежду из овчины (кожухи) называлась «милоть» и «милотарь». *«Молящее ю... принятии от него ризу нову с милотарем»* (Житие Евфимия Суздальского. Архив СПбИИ РАН. Ф. 256 № 153 л. 212-228).

Судя по данным письменных источников, кожевенные мастерские существовали и в окрестностях города. В частности на Рюриковом городище. Как следует из «Дела о дворе Семена Стоянова на Городище» (Дело о дворе Семена Стоянова на Городище. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 196 Л.2), до 1656 года крупное земельное владение на Городище принадлежало новгородскому торговому гостю Семену Стоянову. Среди построек двора упоминаются: *«двор с кожевными хоромы и с садом и со всем дворовым строением»*, что свидетельствует о существовании здесь кожевенного производства. В другом документе двор Иверского монастыря назван «кожевным»: *«двор кожевницкой со всяким строением с садом и с огородом, вкладной, у озера Ильмени»* (Выпись из грамоты 1668/69 г. на новгородские владения Иверского монастыря. Архив СПбИИ РАН. ф. 181. оп. 1 ст. 15).

II. Сапожное ремесло.

Среди новгородских ремесленников, занимавшихся изготовлением изделий из кожи, сапожники были самыми многочисленными, что подтверждается археологическим материалом, а также данными писцовых книг. В отличие от кожевников, сапожные мастерские были рассредоточены по всей городской территории, о чем свидетельствуют многочисленные скопления обрезков от раскроя, а также разнообразные сапожные инструменты.

Сапожные инструменты. По функциональному назначению сапожный инвентарь можно разделить на две группы. К первой принадлежат «универсальные инструмен-

ты» ножницы, оселки, круглые в сечении шилья, иглы и наперстки, которые могли быть использованы не только в сапожном ремесле. Вторую группу составляют специальные инструменты, используемые только для изготовления обуви. К ним принадлежат сапожные ножи, обувные колодки, шилья ромбического сечения, шаблоны-лекала и др. Для нас наибольший интерес представляют специальные инструменты, среди которых самыми распространенными являлись сапожные ножи.

Сапожные ножи. Раскрой кожевенного листа проводился специальными сапожными ножами, среди которых выделяются две наиболее устойчивые формы:

1. К первой принадлежат ножи, имеющие короткий клинок длиной 7-9 см при ширине 2,5- 3 см, с прямой или несколько вогнутой спинкой и скругленной режущей кромкой лезвия, загнутой вверх и заостренной к концу клинка. Такие ножи, именуемые в письменных источниках «усьморезными» кроме Новгорода они найдены на Княжьей горе и на городище у с. Селище (Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА. 1953. № 32. С. 129).

2. Форма лезвия второй группы ножей, также имеющих довольно короткий клинок, отличается прямым лезвием, иногда слегка загнутым вверх на конце, с плавно выгнутым или коленчатым обушком, сходящимся к концу лезвия.

Лекала. Для удобства кроя применялись специальные шаблоны (лекала), «меры сапожные», упомянутые, в частности, в Новгородской Кормчей 1282 г., происходящей из Устава Феодора Студийского (ум. 826) (Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 389). В археологических материалах Великого Новгорода отмечено шесть деревянных лекал использовавшихся для раскроя подошв и деталей верха, датированных XII в. (Колчин Б.А. Янин В.Л. 1982, С. 76, 84). Они представляют собой тонкие дощечки толщиной 0,3-0, 4 см, вырезанные в форме заданной заготовки.

Обувные колодки. Количество обувных колодок, найденных в Великом Новгороде, многократно превышает находки из всех остальных древнерусских городов вместе взятых. Только на Неревском раскопе количество колодок всевозможных фасонов и размеров, изготовленных из плотных пород дерева (березы, липы) достигает двухсот единиц (Изюмова 1959, С. 198). Примерно та же цифра – 192 экземпляра (185 колодок- правил и 7 составных) указывается в статье Б.А. Колчина и В.Л. Янина в сборнике, посвященном 50-летию раскопок Новгорода опубликованном в 1982 году (Янин В.Л. Колчин Б.А. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1982, с.76). В последующее время коллекция обувных колодок пополнилась за счет находок с Троицкого раскопа.

В новгородской коллекции представлены колодки различных размеров, использовавшихся для изготовления подростковой и взрослой обуви. Первые отличаются более простой формой и меньшими размерами. Их длина колеблется в пределах 14-16,5 см, а ширина составляет от 4 до 6 см. Несмотря на доминирование в средневековье симметричной обуви, встречаются колодки для правой и левой ноги.

Колодки-правила для взрослой обуви отличаются большим разнообразием фасонов. Среди них встречаются высокие (9,5-10 см) модели с широкой нижней частью. Кверху такие колодки сужались и имели сверху прямоугольную площадку. Такие колодки, главной особенностью которых является симметричность, датируются XI-XIII вв. Для более позднего времени (XIII-XV вв) характерны более узкие и низкие правила (Исюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. // МИА 1959. № 65. С. 199).

В связи с атрибуцией обувных колодок хотелось бы остановиться на их функциональной принадлежности. С.А. Исюмова разделяла обувные колодки на простые колодки-правила и составные затяжные. Разница заключается в том, что простые колодки, в большинстве своем, использовали в качестве твердой основы для обивки и расправлению швов уже после того, как подошва была пришита к верху, а затяжные колодки, служили основой для сборки обувных деталей. Та же информация о присутствии в Новгороде затяжных колодок, повторяется в диссертации А.В. Курбатова (Курбатов А.В. Кожевенное производство в городах северо-западной России XV-XVII вв. Дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997).

На мой взгляд, такое мнение ошибочно. Составные колодки, состоящие из двух частей со снимаемым верхом-подъемом, несмотря на схожесть с современными затяжными колодками, нельзя считать таковыми. Наиболее поздние образцы «затяжных колодок», среди которых имеются меченые колодки, с надписью «МНЕЗИ» и буквой «Р» с Ярославова дворища, датированы XV в. (Арциховский, А.В. Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте М., 1953 С. 48), в то время как технология затяжки относится к более позднему периоду.

По видимому, технология затяжки, была спутана С.А. Исюмовой с операцией по сшиванию наборных (2-3 -х слойных) подошв, при которой перевернутая колодка служила основанием. Исследователи обратили внимание, на наличие у составных тонких подошв 2-3 овальных отверстий, оставленных, судя по всему, деревянными шпеньками, соединявшими несколько слоев подошв закрепленных на деревянных колодках. На части новгородских колодок с хорошо сохранившейся нижней стороной (поверхностью «следа») видны отверстия от таких шпеньков, а иногда их обломки, что дает воз-

возможность реконструировать процесс сборки, при котором на основании колодки с помощью деревянных шпеньков закрепляли набор из 2-3-х тонких подошв, а затем, перевернув колодку и наложив на нее детали верха, скрепляли с наборной подошвой сквозным швом. Такой способ сборки характерен для мягких сапог распространенных в Великом Новгороде и других русских городах в XII- XIV вв.

Лапа. После сшивания деталей следовала окончательная подрезка края подошв и набивка железных гвоздей или подковаков, для которых использовалась «сапожная лапа», представляющая собой металлическую пластину или деревянный брусок на длинной подставке (ноге). Чаще всего лапой пользовались для ремонта обуви. В Великом Новгороде инструмент, напоминающий сапожную лапу, был найден на Троицком V раскопе в слое конца XIII в.

Помимо специальных инструментов, сапожники пользовались универсальными инструментами, которые могли быть использованы для различных целей: ножницы, оселки (особенно с продольными канавками, оставшимися от заточки шильев), кожаные и металлические наперстки, а также иглы и шилья. К этой же группе можно отнести воск и колесную басму, впервые обнаруженную при раскопках Великого Новгорода.

Басма. Инструмент в виде колесика диаметром 4,5 см с узкими, заостренными лучами найден на Никитинском раскопе в слое посл. трети XIV в. (Дубровин Г.Е. Археологические исследования на Никитинском раскопе в 2003 г. // ННЗИА. Вып.18. Великий Новгород, 2004. С. 15, Рис. 1,8). На использование басмы в сапожном ремесле указывает наличие в этот период на усадьбе сапожной мастерской. Это редкая находка служит доказательством в пользу высказывавшихся ранее предположений об использовании подобных инструментов для разметки швов. В то же время, А.В. Курбатову подобная атрибуция, сделанная на основе опубликованного рисунка, кажется сомнительной по причине мягкости материала (листовой бронзы) и тонкости зубцов (Курбатов, А.В. «Монашеские пояса» и параманды в связи с техническими традициями древнерусского кожевенного ремесла // Записки ИИМК РАН № 4. СПб., 2009. С. 196). Однако непосредственное знакомство с самим предметом позволяет утверждать, что найденная на Никитинском раскопе басма представляет собой достаточно прочную и жесткую конструкцию и выглядит вполне пригодной для нанесения разметки.

Локализация сапожных мастерских. На территории расположения сапожной мастерской нет каких-либо специальных технических устройств, типа гончарных горнов, или «кислых» кожевенных колодцев с водоотводными трубами. Для ее функционирования подходит практически любая постройка, не требующая дополнительного обустройства. Основным показателем деятельности сапожной мастерской являются отходы от рас-

кроя кожи и сапожные инструменты. За многолетнюю практику археологического исследования Великого Новгорода отходы сапожного производства находили многократно.

Новгородский кремль. На начальном этапе археологического изучения Великого Новгорода сапожная мастерская XVI в. была открыта А.А. Строковым, В.А. Богусевичем и Б.К. Мантейфелем при раскопках в Новгородском Кремле. По их описанию от мастерской сохранился очаг из камней, а также огромное количество заготовок для обуви, обрезков от раскроя и сапожные ножи. Как подчеркивают авторы раскопок, никаких следов кожевенного производства в мастерской не было (Строков А.А., Богусевич В.А., Мантейфель Б.К.. Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 г. НИС. Вып. 5. Новгород, 1939. С. 10-11).

Неревский раскоп. Несмотря на близость исследованной раскопками территории к району «Кожевники», основную часть обнаруженных там мастерских являются сапожными. Это вполне оправданно, поскольку на территории богатых боярских усадеб не могло существовать такого зловонного и опасного для здоровья производства, как кожевенное. На отдельных усадьбах скопление отходов указывает на длительное существование сапожного производства, как, например, на усадьбе «Д». По наблюдением исследователей, количество сапожных деталей на Неревском раскопе существенно возрастает с 80-х гг XIII в, что связано с активным освоением района (Янин В.Л. Колчин Б.А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода М., 1978. С. 29-30).

Михайловский раскоп. Следы сапожной мастерской были обнаружены на участке, расположенном между древними улицами Ильиной и Славной. В восьмом строительном горизонте (40-80-е гг. XIV в) на площади усадьбы «А» выходящей на Витков переулок. Об этом свидетельствуют находки на территории усадьбы пяти сапожных колодок-правил, а также более 2300 обрезков кожи. Судя по отходам, среди которых отмечены ножны, кошельки, а также несколько аппликаций, в мастерской изготавливали не только обувь. (Колчин Б.А, Рыбина Е.А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 217; Сингх В.К. Производственные комплексы на усадьбах Славенского раскопа // Новгородские археологические чтения. – 3. Материалы Международной конференции «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода». Великий Новгород. 2011. С. 239, 240).

Нутный раскоп. Существование развитого сапожного производства зафиксировано на территории двух усадеб, расположенных к северу от Нутной улицы, где долгое время сосуществовали две сапожные мастерские. Начало работы мастерской, специализировавшейся на производстве туфель, было зафиксировано на восточной усадьбе с 30-х гг. XIII в.

Производственные отходы и сапожные инструменты (сапожные ножи, колодки, шилья с ромбовидным сечением) концентрируются вокруг построек № 29 (мастерская) и № 28 (жилой дом).

Дубошин раскоп. Массовые скопления обрывков и обрезков кожи, общая численность которых насчитывает 18091 единиц, зафиксированы на площади Дубошина раскопа во всех пластах с «мокрым слоем». Примечательно, что отходы сапожного производства были сконцентрированы на хозяйственном дворе, за пределами сооружений. Вместе с обрезками от раскроя на свалке отходов присутствуют сапожные инструменты специального (сапожные ножи, обувные колодки) и универсального назначения (иглы и шилья, оселки). Судя по краткой характеристике обрезков, работавшие здесь мастера, в основном, занимались пошивом новой обуви, а также практиковали ремонт старой, о чем свидетельствуют следы дотачек и заплат, установленных на сношенные участки.

Никитинский раскоп. Сапожное производство на исследуемой территории функционировало с 10-х гг. XIV в. до сер. XV в. Его пик, прослеженный на усадьбе «В» выходившей на Никитину улицу, приходится на 2-ую пол. XIV – пер. пол. XV в. Отходы производства на усадьбе, как отмечает исследователь, сосредоточены, в основном, на территории хозяйственного двора, причем зоны концентрации находятся вне построек. К середине XV столетия интенсивность мастерской заметно снижается. На усадьбах «А» и «Б», выходивших на Маницину улицу, следы этой отрасли ремесла проявляются с кон. 60-х гг. XIV в (усадьба Б) и с начала XV в (усадьба А). По мнению руководителя раскопок Г.Е. Дубровина, в работе описанных выше мастерских прослеживается определенная взаимосвязь. Так, при снижении интенсивности производства, на усадьбе «В», на маницынских усадьбах (А и Б), отмечается его рост (Дубровин Г.Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010. С. 111).

Троицкий раскоп. Из шестнадцати усадеб Троицкого раскопа, многие из которых вошли в площадь раскопа частично, следы сапожных мастерских можно с уверенностью фиксировать на четырех. В частности, на усадьбе «З» сапожная мастерская, максимальная активность которой прослежена в конце XII в, существовала на протяжении длительного времени (XII - нач.XV вв). (Янин В.Л., Рыбина Е.А., Хорошев А.С., Гайдуков П.Г., Сорокин А.Н. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1986 г. Троицкие VII и VIII раскопы. Архив ИА РАН Р-1, № 11363. Отчет № 11363, С. 90). В нижележащих напластованиях Троицкого раскопа скопления обрезков отсутствуют, а общее количество кожи уменьшается на порядок.

Глава V. Новгородская кожаная обувь. Изготовление обуви требует концентрации всех технических и технологических достижения эпохи – как в силу сложности ее из-

готовления, так и массового характера производства, поэтому именно обувь определяет уровень развития всего сапожного ремесла. Обширная коллекция новгородской обуви дает возможность исследовать направленный процесс развития обувных конструкций со второй половины X – до конца XVII в. Развитие технологии раскроя и сборки обуви, а также влияние моды, иллюстрирует смена обувных конструкций, повышение количества деталей, формы фасонобразующих элементов и пр. Хронологию развития новгородской обуви представляется целесообразным рассмотреть в рамках существующей периодизации, разработанной для средневековой обуви А.В. Курбатовым (Курбатов А.В. Кожевенное производство Твери XIII-XV вв. (по материалам археологических исследований 1993-1997 гг.) СПб., 2004. С. 75,76; Курбатов А.В. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // Stratum plus № 5. Кишинев, 2010. С. 209-213). Организованная таким образом хронологическая шкала ориентирована на макроэволюционные (необратимые) изменения в развитии кожевенно-сапожного производства, качественно отличающие обувь одного периода (этапа) от другого.

Первый этап (VIII – X вв.) охватывает раннесредневековый период. Становление новгородского кожевенно-сапожного ремесла, приходится на самый конец этого периода (вторая половина X в). В это время происходит отбор технологических принципов, выбираются наиболее технологичные операции раскроя и пошива изделий, способы их декорирования. Малочисленность новгородского археологического материала этого времени предполагает привлекать для его оценки памятники ближайшей округи, а также широкий круг евразийских аналогий, с учетом близкой природно-географической среды и сходной динамики изменений материальной культуры.

Как известно, напластования начала X в. в Великом Новгороде отсутствуют. В раннегородских слоях второй половины X века кожа сохраняется плохо. Малочисленность и фрагментарность находок, наряду с плохой сохранностью кожи, существенно затрудняет реконструкцию обувных моделей. Обувь этого периода представлена в сильно фрагментированном виде в материалах с Ярославова дворища, Михайловского раскопа, а также в коллекциях Троицкого VIII – X раскопов. К ним принадлежат обрывки верха туфель, детали мягких сапог, поршней и фрагменты подошв с заостренной пяткой. Несмотря на фрагментарность и плохую сохранность изделий, коллекция позволяет реконструировать различные виды мягкой обуви и технологические особенности их кроя.

Туфли. Наиболее массовой формой обуви существовавший в начальный период существования Новгорода, являлись кожаные туфли, под которыми понимается обувь с разрезным верхом, закрывающим стопу не выше лодыжки и крепившуюся к ноге при помощи ремешков. В раннегородских слоях Новгорода одночастные туфли отсутствуют.

Это представляется закономерным, поскольку в одновременных материалах с других памятников такая конструкция выходит из употребления, уступая более удобной и экономичной двухчастной обуви. Имеющиеся в нашем распоряжении фрагменты представляют собой двухсоставные туфли, имевшие цельнокроеный асимметричный верх, скрепленный выворотным швом на внутренней стороне стопы, и отдельно выкроенную подошву, имевшую округлый носок и удлиненную пяточную часть, вшивавшуюся в вырез на заднике. Аналогичные модели, зафиксированные в Старой Ладого, отнесены Е.И. Оятевой к первому виду (Оятева Е.И. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладого. // АСГЭ. Вып. 7. Л., 1965. С. 43).

Судя по имеющимся у нас находкам, крепление туфель осуществлялось при помощи ременной оборы, продевавшейся в линию прорезей расположенных по бокам. Ближайшей аналогией туфли с симметричным кроем верха и отдельно выкроенной подошвой с округлым носком, сближающую ее с башмаками IV вида старолadoжской обуви (Оятева, 1965. С. 53. рис. 1), является целиком сохранившаяся туфля с Рюрикова городища (илл. 44), опубликованная А.В. Курбатовым (Курбатов А.В. Новгородская революция XII века и прогресс в кожевенном ремесле. // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 93. Рис. 14).

Сравнивая новгородскую обувь с коллекцией Старой Ладого, важно отметить, что конструкция новгородских туфель первого этапа более однообразна и почти лишена украшений, что сближает ее с обувью Белоозера. Объяснение этому, на мой взгляд, следует искать в различном статусе поселений. В отличие от Новгорода, где городские ремесленники удовлетворяли спрос горожан и жителей ближайшей округи, Старая Ладога представляла собой торговую факторию «вик», ориентированную на трансевропейскую торговлю.

Поршни. Помимо туфель, в раннегородских напластованиях зафиксированы обрывки простых поршней, согнутых из одного куска кожи. В Новгороде поршни представлены незначительным количеством фрагментов, отмеченных на Неревском и Троицком раскопах. Единственный целый образец, относящийся к этому периоду, происходит с Неревского раскопа. Поршни такого типа известны в одновременных памятниках Западной Европы, в частности в гробницах близ Оберфлахта в Швабии (Вейс Н. Внешний быт народов с древнейших времен до наших времен. Т. II. Ч. 2. М., 1875 С. 161 рис. 227).

Сапоги. Обувь с высоким глухим голенищем, наглухо закрывающим стопу и голень, является изобретением кочевников, нуждавшихся в защите ног во время верховой езды. В основании культурного слоя Великого Новгорода сапожные детали встречаются эпизодически. К высокой мягкой обуви этого времени может быть отнесен сапог с невы-

соким голенищем, обнаруженный на Неревском XVIII раскопе (Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. // МИА. 1959. Вып. 65. С. 212 рис. 8,7). Он представляет собой двухчастную конструкцию с цельнокроеным верхом, соединенным швом с внутренней стороны голени и пришивной подошвой.

Редкость сапог в древнерусское время объясняется большим расходом кожи. Тонкая подошва и мягкий задник быстро снашивались, а цельнотянутая головка (перед) образовывала грубые складки на подъеме стопы. Такая обувь использовалась, в основном, при верховой езде, что подчеркивает высокий статус ее владельца.

В силу фрагментарности и маловыразительности находок первого этапа, отнесение их к определенной группе основано на косвенных признаках, указывающих вероятный способ моделировки. Тем не менее, можно заключить, что в целом фасоны раннегородской новгородской обуви вписываются в доминантную линию развития стилей обуви Западной и Северной Европы. Формы низкой обуви и варианты ее декора находят аналогии в коллекциях раннегородских центров, таких как Хедебю, Елисенхоф, Рибе (Groenman-Waateringe Die Lederfunde von Haithabu. Karl Wachholz Verlag, Neumunster, 1984; Swann J. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm, 2001), а также в материалах из Волина, где уже в IX в сложился определенный набор конструкций обуви, распространившийся позднее на широкой территории (Kowalska A.B. Wczesnośredniowieczne obuwie skórzane z Wolina // Materiały zachodniopomorskie. T XLV. Szczecin, 1999. S. 235-237).

Второй этап (XI-XIII вв.) охватывает древнерусский период, когда в городах повсеместно появляются профессиональные мастерские, использующие универсальные технологические приемы выделки кожи, раскроя и пошива изделий. В Новгороде начало второго этапа знаменует развитие обувного производства, вызванного потребностью растущего населения города, что приводит к становлению сапожного дела как одной из ведущих отраслей городского ремесла. Стабильный набор видов обуви включает мягкие туфли, поршни и сапоги, для изготовления которых использовалась относительно тонкая кожа молодых особей крупного рогатого скота.

Туфли. Доминирующей обувью второго периода являются мягкие туфли, которые, судя по размерам, носило все городское население Великого Новгорода.

Туфли с цельнокроеным верхом. К наиболее распространенным моделям, бытовавшим в Новгороде в домонгольский период, относятся туфли с цельнокроеным верхом, как бы обернутым вокруг стопы. Верх сшит на внутренней стороне таким образом, что задний торец раскройки подшит к выделенной полуотрезом передней части (головке). Туфли имеют отложные берцы, закрывающие линию прорезей с ременной оборой, при помощи которой обувь крепилась к ноге. Несмотря на разницу размеров, крой туфель дос-

таточно стандартизован. Аккуратная линия шва, размеры шовных отверстий и прорезей под обору указывают на «руку» профессионального мастера. При нехватке кожи верх мог быть надставлен дотачкой, которая, как правило, подшивалась с внутренней стороны стопы. В XII-XIII вв. туфли такого кроя встречаются повсеместно.

Немногочисленную группу, зафиксированную только на Троицком раскопе, составляют туфли с цельнокроеным верхом, и неполной подошвой каплевидной формы, закрывающей лишь носочную или пяточную часть. Оставшуюся часть подошвы образуют сшитые меж собою части верха. Такие модели обнаруженные на усадьбах «М», «Е», «У» существуют на протяжении XII- нач.XIII вв.

Туфли с продольным швом, внешне больше напоминающих поршни, требуют более подробного описания, поскольку их функциональное назначение спорно. В археологическую литературу подобная обувь была введена А.В. Курбатовым под именем «домашних» туфель. Впервые они были выделены им при раскопках Тверского Кремля, где в слое конца XIII – первой половины XIV в, такая обувь доминировала (Курбатов А.В. Кожевенное производство Твери XIII-XV вв. (по материалам археологических исследований 1993-1997 гг.). СПб., 2004. С. 47).

Описывая конструкцию туфель А.В. Курбатов упоминает вшивавшуюся в нижний шов уплотнительную прокладку, которая, по его мнению, служила для герметизации нижнего соединения, что характерно именно для уличной обуви. Кроме того, своеобразный крой туфель с продольным швом, детали которых являлись одновременно верхом и низом, не целесообразен с точки зрения раскроя и сборки. Несхожесть «домашних» туфель с обычными моделями подчеркивает и отсутствие декора, в то время как синхронная по времени обувь, как правило, орнаментирована вышивкой или продержкой. Рискну предположить, что конструктивную особенность такой обуви можно объяснить намеренным неудобством, которое она должна создавать. С этой целью ее могли использовать монахи. Достижение душевной чистоты в монашеской практике зачастую было связано с истязанием плоти, которую изнуряли длительными постами, ношением вериг и пр. Проверка этой гипотезы на материалах Троицкого раскопа установила, что находки такой обуви связаны с усадьбами, где проживали священнослужители, следы которых фиксируют предметы монашеского облачения, а также такой уникальный источник как берестяные грамоты. По мнению А.Е. Мусина, занимавшегося системой расселения клира в Новгороде, проживавшее на усадьбах духовенство могло выступать в качестве арендаторов усадьбы или находилось в определенной зависимости от боярского клана, который выделил часть усадьбы для проживания (Мусин А.Е. Социальные аспекты истории древнерусской Церкви // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 104).

. *Туфли с детальнокроеным верхом.* В отличие от туфель с цельнокроеным верхом, допуская наличие доточки, в новгородской коллекции встречаются туфли, где составная деталь имеет конструктивное значение. К самым ранним моделям, имеющим составной верх относятся туфли с заостренным носком, верх которых кроился из двух симметричных половин сшитых по оси носка и пятки. Они зафиксированы на Троицком VI и VII раскопах, в напластованиях первой половины – середины XI в.

Туфля с двухсоставным верхом продольно-симметричного кроя с глубоким вырезом на уровне лодыжки, зафиксирована в Плотницком конце в слое не ранее 80-х гг. XI в. Эта конструкция, не получившая развития в древнерусских городах, близка образцам в Западноевропейской обуви, где сохраняется вплоть до конца XVI в. (Курбатов А.В. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости. // РА. 1995. № 2. С. 203. рис. 10.1).

Туфли с трехчастным верхом, крой которых отличает глубокий вырез, отделяющий перед (головку) от боковины, встречаются в разных частях города в слое XII-XIII вв. Данный крой обязательно предполагает вставку с внутренней части отворота. Третья деталь верха служила в качестве задника, скреплявшегося с торцами передка.

Третья группа туфель имеет двухчастный верх, состоящий из двух деталей: одна закрывает переднюю часть стопы и ее внешнюю сторону, а вторая внутреннюю часть стопы от пятки, до стыка с торцом передней. Туфли такого фасона имеют округлый носок и отложные берцы. Как правило, они изготовлены из кожи невысокого качества и лишены декора, что указывает на невысокий статус их владельцев.

Анализируя форму новгородских туфель домонгольского времени можно отметить, что обувь этого периода характеризует расширение ассортимента и высокая стандартизация изделий, что свидетельствует об окончании процесса сложения профессионального кожевенно-сапожного производства. В конструкции преобладает цельнокроеный асимметричный верх. В качестве крепления к ноге используются ременные оборы, продетые сквозь ряд прорезей сделанных на уровне лодыжки.

Декор туфель. Из всех видов обуви второго периода наибольшим разнообразием декора отличаются туфли, повышенная отделка которых отрицательно влияла на их практичность. Основой декоративной композиции служила дорожка по продольной оси носка, которой предшествовал конструктивный шов, соединявший две половины верха у моделей распространенных в Поволжье в IX-X вв. Для описания орнамента кожаной обуви не существует общепринятой схемы. В известных нам работах присутствуют различные подходы, которые можно характеризовать как более или менее удачные. На мой взгляд,

для описания и систематизации орнамента целесообразно использовать две группы признаков: технологических и морфологических.

В первую группу включены туфли, орнаментированные продержкой, которая присутствует как в качестве единственного способа, так и в сочетании с расшивкой. Этот вид декора широко распространен на всех древнерусских памятниках, сохранивших домонгольскую обувь. Вторую группу, более многочисленную и богатую по разнообразию сюжетов, составляют различные варианты расшивки, среди которых встречаются дорожка, розетки, плетенка, треугольники, а также их комбинации.

Поршни. Кроме уже упоминавшихся выше простых поршней, в Новгороде бытовали ажурные поршни, отличавшиеся более сложным оформлением головки, которую образовывали параллельные прорезы, сквозь которые проплетался ремешок, стягивавший края заготовки. Для изготовления более нарядных ажурных поршней – служивших в качестве праздничной обуви использовалась более тонкая и мягкая кожа. Судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, можно уверенно констатировать, что к сер. XIV в. ажурные поршни окончательно выходят из употребления (Колчин Б.А. Рыбина Е.А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982 С. 217).

Сапоги мягкой конструкции. К ранней группе кожаной обуви, бытовавшей до второй половины XIV в, наряду с туфлями, принадлежат сапоги мягкой конструкции. В отличие от жестких сапог, они не имели дополнительных внутренних элементов (поднаряда, многослойного задника, каблучных подкладок). Мягкие сапоги состояли из нескольких деталей (головка, составное или цельнокроеное голенище, задник, подошва), которые чаще всего встречаются в разрозненном виде. Целые формы мягких сапог этого периода были обнаружены на Ярославовом дворище и Нутном раскопе в слое третьей четверти XIII в.

Полусапожки. Под этим термином в специальной литературе понимают сапоги с коротким (до 14 см) голенищем, бытовавшие в древнерусских городах в XI-XIV вв. Конструктивно такая обувь близка сапогам мягкой конструкции, не имеющих жесткого задника. В Великом Новгороде выделяется два типа полусапожек:

1. Обувь с вытяжным верхом, у которого головка составляет одно целое с передней частью голенища, а задник, соответственно, кроился в одну деталь с задней частью голенища.
2. Второй, более сложный тип кроя, имел полный набор отдельно выкроенных сапожных деталей включавших головку, задник, подошву и двухсоставное голенище. По мнению С.А. Изюмовой полусапожки второго вида,

бытовавшие в X-XIV вв. были прототипом настоящих сапог (Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. // МИА 1959. № 65. С. 207). На мой взгляд, такая обувь, появившаяся одновременно с мягкими сапогами и существовавшая параллельно с ними, является не прототипом, а другим фасоном.

Третий этап (XIV- XVII вв.) охватывает период развитого средневековья, ознаменовавшегося расцветом кожевенно-сапожного ремесла в Великом Новгороде и других древнерусских городах. Освоение новых видов сырья (шкур взрослых особей крупного рогатого скота) способствовало развитию технологии сапожного ремесла, вследствие чего стало возможным изготовление более совершенных конструкций и расширить модельный ряд. В отличие от периодизации А.В. Курбатовым, ограничившего третий этап рамками XIV- пер. пол. XVI в., его следует продлить вплоть до конца XVII в. Такая позиция, на мой взгляд, принципиальна, поскольку изменения, которые происходят с обувью во второй половине XVI – конце XVII вв. носят эволюционный характер, в отличие от предыдущего и последующего периодов, когда в технологии изготовления обуви происходят революционные изменения.

Сапоги «жесткой» конструкции. Освоение выделки толстых кож способствовало появлению моделей жесткой обуви, конструкция которой подразумевала поднаряд, жесткий задник и каблук. Очевидно, что смена мягкой конструкции на жесткую происходила постепенно. Самые ранние подошвы со следами потайного шва зафиксированы на Дмитриевском и Троицком раскопах в напластованиях конца XIII в. Единичность подобных находок, скорее всего, свидетельствует о перекопе слоя. На более позднюю дату появления жесткой конструкции указывают материалы из других древнерусских городов. Несмотря на то, что появление такой обуви не было единовременным, различие не могло быть столь значительным.

Рубежу XIII-XIV вв. соответствует конструкция переходного типа, которая имеет «полужесткий» задник, изготовленный из наружной пластины (задники) и внутренней усилительной подкладки, препятствующей сминанию пятки. В начале XIV в. фиксируется появление поднаряда (подкладки) головки. Ранние формы поднарядов, как правило, кроившиеся из двух симметричных деталей, закрывали лишь носочную часть стопы. Впоследствии крой поднаряда повторяет крой головки, за исключением крыльев и верхнего обреза. Наличие поднаряда увеличивало износоустойчивость и жесткость конструкции, а несовпадение швов обеспечивало повышение влагонепроницаемости обуви.

Декор сапог. В отличие от мягкой обуви сапоги жесткой конструкции практически лишены декора. Такой распространенный ранее способ как расшивка практически выхо-

дит из употребления и встречается крайне редко. В Новгороде известна единственная сапожная головка, орнаментированная подобным образом, которая зафиксирована на Троицком V раскопе. Кроме нее, расшивкой украшена задняя деталь голенища с Ильинского раскопа, а также полусапожки, зафиксированные на Троицком X раскопе.

Охотничьи сапоги. Эту категорию находок, ранее практически не исследованную, следует рассмотреть более подробно. В Великом Новгороде среди сапожных деталей выделяются крупные обрывки высоких (до 60 см) голенищ со следами крепления в верхней части детали, зафиксированные на Дубошином и Троицких VII, VIII и IX раскопах. Учитывая, что высота голенищ обычных сапог на взрослого мужчину не превышает 28-30 см. очевидно, что высокие, выше колена, голенища могли принадлежать какой-то специализированной обуви. На мой взгляд, на усадьбах расположенных на площади Дубошина и Троицкого раскопов были зафиксированы детали охотничьих сапог, аналогичных современным болотным сапогам. Охотничий характер высоких сапог косвенно подтверждают находки атрибутов для охоты с ловчими птицами (вертлюг и путцы), обнаруженных на территории усадьбы расположенной на площади Дубошина раскопа, которая принадлежала боярам, бывшим посадниками в Новгороде (Гайдуков П.Г. Топография, стратиграфия и хронология Дубошина раскопа в Новгороде //Славянский древний город. Труды IV Международного конгресса славянской археологии. Т. 2 М. 1997).

Обувь иностранного производства. О высоком уровне развития торговых и культурно-исторических связей Великого Новгорода свидетельствуют, многочисленные предметы импорта, фиксируемые при раскопках. Однако обуви, среди ввозимых товаров не было, поскольку спрос на высококачественную обувь полностью удовлетворялся новгородскими ремесленниками. Тем не менее, при раскопках встречаются модели, крой и конструкция которых существенно отличается от стандартизированной продукции новгородских обувщиков. Эта обувь иностранного производства, по всей видимости, принадлежала иноземным гостям, длительное время жившим на территории города (Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII-XVII вв., М., 1986). Точное количество обуви иностранного производства подсчитать сложно, поскольку для уверенной атрибуции желательно иметь полный набор деталей или крупные фрагменты позволяющие рассмотреть конструктивные особенности, способ сборки и характер декора. К таким находкам принадлежит несколько моделей, аналогии которым существуют в обувных коллекциях из городов Скандинавских стран и Польского Поморья. Судя по дате их изготовления и месту распространения, их находки маркируют деятельность Ганзейского союза, представители которого подолгу проживали в Новгороде на специальных дворах.

Четвертый этап (рубеж XVII-XVIII – 80-е гг. XIX вв.) начинается временем петровских реформ и заканчивается появлением и распространением машинного производства (60-80-е гг. XIX в). В начале этого периода происходит резкая смена традиционного русского костюма, вызванная внешнеполитическими изменениями, что, в частности, иллюстрирует петровский указ от 30 декабря 1701 года «*О ношении всякого чина людемъ Немецкаго платья и обуви...*» (Полное собрание законов Российской империи. Т. 1- 4. СПб., 1830. № 1741).

Смена технологии российского обувного производства приводит к дальнейшему увеличению числа конструктивных элементов. У моделей, изготовленных по европейской технологии, появляются не применявшиеся ранее детали такие как: стелька, геленок, штаферка и супинатор, причем у обуви изготовленной на затяжных колодках доминирует рантовый способ крепления подошв. Этот период выходит за рамки данного исследования.

Глава VI «Охотничье снаряжение и кожаные предметы для охоты с ловчими птицами». В последней главе обобщен материал по атрибуции новой серии неопределенных или малоизвестных предметов, выявленных за последнее время в коллекциях Великого Новгорода. К ним относятся детали охотничьего снаряжения, долгое время не привлекавшие внимания исследователей, и ставших объектом пристального внимания лишь в последние годы.

Праща. Среди обилия кожаных изделий найденных при раскопках Великого Новгорода в слоях XII-XIV вв. изредка встречаются предметы линзовидной формы размером около 12 x 5 см, имеющих несколько поперечных прорезей, а также сквозные отверстия по краям. Эти предметы, принадлежащие к категории «малосерийных» находок, авторы раскопок ранее относили к предметам неопределенного назначения. В отдельных случаях они были атрибутированы как фрагменты обуви или детали поясного набора.

Несмотря на то, что размеры и тип кроя этих изделий, а также количество прорезей может незначительно различаться, очевидно, их конструктивное сходство. Сложность атрибуции заключается в том, что эти детали является лишь частью изделия, которое легко определяется в полном виде.

Подобные находки известны в археологических коллекциях городов Западной и Северной Европы: Сведенборге, Йорке, Саутгемптоне, Дублине, Стокгольме, Гданьске, где их именуют «корзиной» или «чашей», являющейся центром подвески (пращи), в которой закрепляется снаряд (Groenman-van-Waateringe W. Leather from medieval Svendborg // The archaeology of Svendborg, Denmark. Vol. 5. Odense, 1988. S. 121-122; Nadolska K. Czy proca znaleziona w Gdańsku jest zabawką? //Acta Universitatis. Lodziensis. Lodz, 1998 S.

117-119, Kowalska Anna B. Wczesnośredniowieczne proce ze Szczecina – groźna broń, skuteczne narzędzie czy dziecięca zabawka?; Die frühmittelalterliche Schleuder von Szczecin – gefährliche Waffe, nützliches Werkzeug oder Kinderspielzeug?; // Materiały zachodniopomorskie. Rocznik Naukowy Muzeum Narodowego w Szczecinie tom IV/V 2007/2008. Szczecin, 2010. S.151-165). Несмотря на примитивность конструкции, праща была грозным оружием. В древности она стояла на вооружении профессиональных армий, активно использовалась в качестве охотничьего оружия, а также служила детской игрушкой, развивающей у подростка необходимые навыки.

В Великом Новгороде корзинки или чаши для пращи, которые по аналогии с деталями рогатки можно называть «кожетком», были зафиксированы на Кировском, Космодемьянском 1974 г. и Нутном раскопах в напластованиях конца XII – первой половины XIII вв. Очевидно, что найденные детали пращи не принадлежат к боевому оружию. Для средневекового воина, голова которого защищена шлемом, снаряд пращи не опасен. Скорее всего, в XII-XIII вв. праща использовалась для охоты на пушного зверя, которого нужно было оглушить, не испортив ценного меха.

Предметы для охоты с ловчими птицами. Для содержания, обучения и использования ловчих птиц требовался определенный инвентарь. Правила охоты, сформировавшиеся в глубокой древности, способствовали неизменности охотничьего инвентаря, что подтверждается этнографическими сведениями и археологическими находками.

Путы (путцы, обносцы), используются для привязывания птицы к присаде или краге (перчатке). В культурах разных народов, где практикуется соколиная охота, путцы, в принципе, однотипны. Это парные ремешки, либо цельнокроеные, либо плетённые (возможно из конского волоса), надетые на лапу (цевку) птицы, которые удерживались на ней в виде затягивающейся петли. В Великом Новгороде подобные находки единичны, хотя весьма вероятно, что в реальности их было больше. Правильная атрибуция затруднена спецификой этого инвентаря, знакомого лишь орнитологам и охотникам. Один из двух известных на сегодняшний день экземпляров Новгородских пут вместе с костями ястреба-тетеревятника, хранится в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (КП № 35471). Путца была обнаружена в на Дубошином раскопе на боярской усадьбе в слое середины XIV в. Она представляет собой кожаную петлю с ремешком размером 21 x 1,3 см, закрепленную вокруг цевки (лапы) птицы.

Вторая путца, также хранящаяся в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (КП № 35 471-1277/ 2751) была обнаружена в 1955 году на Неревском раскопе, в слое второй половины XII в. Путца представляет собой кожаный ремень с прорезью завязанным вокруг цевки (лапы) ястреба – тетеревятника.

Клобучки. К наиболее информативным находкам, заново открытым в фондах археологического отдела Новгородского музея, относятся соколиные клобучки (кожаные наглазники для ловчих птиц, изготовленные в виде шапочки с затяжкой сзади), долгое время числившиеся в разделе «неопределенные предметы». Ранее предполагалось, что подобные изделия могли представлять собой футляры для весов, оправы зеркал, хранения амулетов и пр. В одну группу незнакомые предметы были объединены по наличию треугольного выреза, назначение которого не было понятно. На сегодняшний день, в новгородской коллекции имеется пять клобучков:

1. К самым ранним находкам, принадлежит клобучок, обнаруженный в 1978 г. на Троицком V раскопе в слоях конца XIII века. Форма клобука высокая, шелоμοобразная. Небольшой вырез под клюв имеет треугольную форму. Он скроен из двух половин черной кожи, имевшей бурую бахтарму. Половины клобука сшиты переметочным швом внахлест, с последующей вытяжкой кожи. На тыльной стороне, вдоль нижнего края имеются прорезы для продевания ремешка (задерезки). По форме кроя клобук близок к современным арабским колпачкам, имеющим стяжку вдоль задней кромки.

2. На Неревском раскопе в слоях первой половины XIV в. найден клобучок, изготовленный из толстой (1,5 мм) кожи черного цвета. Вырез под клюв треугольной формы. Крой клобучка аналогичен западноевропейским образцам. Сильное усыхание кожи изменило его изначальный размер. Реконструкция, сделанная по имеющейся выкройке, по размеру годится только на воробья. Следы прорезей лишь намечены шилом, что указывает на полуфабрикат, свидетельствующий в пользу местного производства подобного инвентаря.

3. Третий клобучок происходит со Славенского раскопа, из слоя первой трети XIV в. Он был выкроен из одной детали, также имеющей следы вытяжения. Для его изготовления использована кожа МРС чёрного цвета, не имеющая прорезей под ремennую стяжку. Очевидная неаккуратность при изготовлении изделия производит впечатление незаконченности.

4. Самый крупный клобучок, скроенный из двух деталей скрепленных тачным швом, был найден в 1959 г. на Неревском раскопе в слое второй половины XIV в. Технология его изготовления предполагает вытяжку кожи с использованием деревянной болванки. Треугольный вырез под клюв обрамлен двумя декоративными кожаными лучиками. У основания задней кромки прорезаны отверстия для стяжки. Судя по размеру, клобучок предназначался для крупной птицы типа самки кречета. С учетом усушки кожи, можно предположить его использование и для самца орла-беркута. Необычная выкройка этого изделия, по мнению специалиста по соколиной охоте В.М. Федорова, позволяет ви-

деть в ней смешение двух стилей: выпуклые наглазники с прогибом кожи между ними более типичны для тюркских клобучков, тогда как стяжка задней кромки, более характерна для арабских образцов (Федоров В.М. Матехина Т.С. Осипов Д.О. К истории соколиной охоты в новгородской земле // Записки ИИМК РАН. № 6. СПб., 2011. С. 209).

5. Лучшее всего сохранился клобучок найденный на Неревском раскопе в слое рубежа XIV–XV вв. Форма его кроя – чисто арабская. Однодетальный клобучок имеет подтреугольную прорезь под клюв, при которой глубокий вырез заходит на теменную часть изделия, где сохранились два отверстия для размещения, т.н. «султана» - приспособления, облегчающего снятие и одевание клобучка с головы птицы.

Представленные выше находки охотничьего инвентаря дополняют сведения, полученные на основании уже известного материала, и существенно расширяют наши представления о материальной культуре Великого Новгорода.

Заключение. В заключительном разделе диссертации суммированы основные результаты исследования по истории новгородского кожевенно-сапожного ремесла. Обширные коллекции «археологической кожи», основную часть которых составляют обувные детали, в совокупности со сведениями письменных источников и данными естественнонаучных методов, дают возможность рассмотреть поступательное развитие этого направления ремесленной деятельности на протяжении длительного периода с момента возникновения Новгорода до вхождения его в состав московского государства и далее, вплоть до петровских реформ, существенно повлиявших на изменение одежды и обуви.

Сложнее всего поддается реконструкции этап формирования новгородского кожевенно-сапожного ремесла, что вызвано полным отсутствием письменных свидетельств и малочисленностью находок из нижних горизонтов культурного слоя, где органика сохраняется также плохо. В то же время, имеющийся в нашем распоряжении материал, зафиксированный в напластованиях второй половины X в., позволяет сделать определенные выводы:

Прежде всего, несмотря на отсутствие следов мастерских, факт существования двучастных конструкций с отдельным верхом и подошвой указывает на деятельность профессиональных ремесленников, работавших в городе уже на начальном этапе его существования. Судя по форме кроя, самая ранняя новгородская обувь имеет аналогии на памятниках расположенных в ареале Балтийского и Северного морей (Волин, Гданьск, Елисенхоф, Хедебю), что подтверждает предположение о развитии раннеславянской обуви в едином русле основных тенденций конструирования, известных в северной половине Европы. В то же время, сравнение коллекции новгородской обуви из раннегородских напластований с одновременным материалом такого центра трансевропейской торговли

как Старая Ладога, позволяет выявить принципиальные различия. В старолadoжской коллекции одновременно сосуществуют обувные модели различные по форме кроя, технике изготовления и вариантам декоративной отделки. Такая пестрота характерна для протогородского поселения – аналога североевропейских вигов (эмпориев), с полиэтничным и разнокультурным составом населения. В Новгороде, обувь более однородна, морфологические и технологические различия среди обнаруженных нами фрагментов невелики, что соответствует другому типу поселений – феодальному городу с более однородным составом населения, ремесленники которого обслуживали горожан и жителей сельской округи.

Уже в первой половине XI в, потребность растущего населения города способствует развитию кожевенно-сапожного дела, ставшего одной из ведущих отраслей городского ремесла. Доминирующей городской обувью, по-прежнему, являются туфли, форма которых все сильнее отличается от моделей продолжающих бытовать в скандинавских странах, что указывает на оформление собственной традиции моделирования и декорировки. Наиболее распространены туфли с одностанным верхом, как бы обернутым вокруг стопы и сшитым на внутренней ее стороне. Туфли имеют мягкую однослойную подошву, пятка которой может быть заострена или округла. Анализ коллекций дает возможность определить степень распространения и время бытования отдельных моделей, реконструировать схему их раскроя, сборки и декорировки. Согласно проведенной статистике новгородской коллекции следы декора, основными приемами которого служили расшивка, продержжка или их сочетание, прослежено не менее чем у трети всех имеющихся моделей.

Сапоги мягкой конструкции в напластованиях XI-XII вв. встречаются достаточно редко. Этот факт, в совокупности с упоминанием сапог в берестяных грамотах и летописях, в связи с верховой ездой, свидетельствует о принадлежности высокой обуви к людям с высоким социальным статусом и материальной обеспеченностью.

К специальной обуви монашествующих можно отнести туфли с продольным швом по оси подошвы, зафиксированные на городских усадьбах Троицкого раскопа XI-XIII вв. Особые монашеские туфли, конструктивно отличающиеся от обычной мирской обуви, по видимому, именовались «калигами».

Анализ следов производственных отходов и верификация данных научных отчетов, подтверждает высказывавшееся ранее предположение о разделении кожевенного и сапожного ремесел уже в домонгольское время. Основная часть кожевенных мастерских, по причине водоемкости и экологической опасности процесса выделки кож, концентрируются на северной окраине города в районе, получившем впоследствии название «Кожевники». Сапожники, изготавливавшие обувь из готового сырья, наоборот, равномерно расселя-

ются по всей территории города. Судя по концентрации обрезков от раскроя, расположение сапожной мастерской в пределах городской усадьбы могло быть различным.

Анализ значительной части новгородских коллекций в совокупности с верификацией материалов научных отчетов, дает возможность правильно определить или переатрибутировать отдельные находки. Наиболее ярким примером можно назвать сапоги на высоком, скошенном каблуке, хранящиеся в отделе хранения и изучения вещественных памятников НГОМЗ. Внимательный осмотр этой находки, аналогии которой известны в других российских и европейских музеях, убедительно опроверг принадлежность этих сапог к «богатой новгородского обуви XVI-XVII вв». Попавшие в музейные фонды как случайная находка, сапоги зеленой шагрени были изготовлены не ранее второй половины XIII в. Они принадлежат к узбекской всаднической обуви, форма которой восходит к образцам, зафиксированным на персидских миниатюрах XVI в.

Статистическая обработка базы данных позволяет определить размерные характеристики, новгородской обуви, отражающие половозрастной состав населения и его ростовые характеристики. В отличие от других древнерусских городов, где проводились подобные расчеты, в Великом Новгороде имеется значительный процент большеразмерной обуви, принадлежащей мужчинам крупного телосложения.

В отличие от сапожных мастерских, следы кожевенного производства фиксируются в Великом Новгороде значительно реже, что обусловлено спецификой его расположения на городских окраинах, вблизи проточных водоемов. Тем не менее, ценность такой информации высока, поскольку при раскопках древнерусских городов следы средневековых кожевенных мастерских, кроме Новгорода, были обнаружены только в Пскове (Лабутина И.К. Раскопки в Пскове у здания Педагогического института. //Археологические открытия 1969 г. М., 1970. С. 26). Информацию о кожевенном производстве Великого Новгорода (представление о видах кожевенного сырья, способах его доставки, приемах обработки и пр.) получены путем сочетания материалов раскопок с данными письменных источников – писцовых, лавочных и таможенных книг. Определенный интерес представляют «кислые колодцы», отмеченные в купчих и актах передачи недвижимости времени шведской оккупации, что указывает на использование при выделке кожи и меха подземные воды минеральных источников.

Высокий уровень развития кожевенного ремесла подтверждается практикой выделки новгородскими кожевниками сафьяна, известного в письменных источниках под именем «тима». Примечательно, что в позднем Средневековье Москва не сумела наладить собственное производство этого товара, массово закупая его в Персии, откуда и приходит

в Россию новый термин (перс. сахтийан), вытеснивший бытовавшие ранее «тим» и «кордуан».

Во второй половине XVI в. происходит следующий этап разделения труда, при котором среди сапожников выделяются голенищники и каблучники, а в кожевенном ремесле появляются специальности подошвенника (подошевного) и ирешника. В отличие от сапожного ремесла, основные приемы выделки кожи, как и инструментарий, сохраняются в кустарном кожевенном производстве вплоть до конца XIX в.

Судя по свидетельствам иностранцев и данным таможенных книг (XVI в), новгородская кожа находила сбыт не только в пределах Московского государства, но и активно вывозилась за границу. Экспорту новгородских кож способствовало высокое качество товара в сочетании с относительной дешевизной определявшейся в сравнении с другими торговыми центрами Русского государства. Поэтому с большой долей уверенности можно предположить, что и ранее, в гораздо более благоприятные времена новгородской независимости, доля экспорта кож была достаточно высока, поскольку масштабное и технологичное производство не может возникнуть на пустом месте.

После присоединения Великого Новгорода к Москве город сумел сохранить достаточно устойчивое положение и не угас, как многие ранее знаменитые центры. Немалую роль в этом сыграло кожевенно-сапожное ремесло, сохранившее высокий уровень и традиции прежней столицы северной Руси.

Список трудов

Монография. Обувь Московской земли XII -XVIII вв. (по материалам охранных археологических раскопок). Тула 2006.

Публикации в ВАКовских изданиях:

1. Обувные подковки XV-XVIII вв. (по материалам раскопок в Москве). Российская археология. 1997. № 3 (совместно с А.Г. Векслером и Ю.А. Лихтер).
2. Мастерская сапожника на ул. Пречистенка в Москве. Российская археология 1999. № 1. (в соавторстве с А.Г. Векслером).
3. Информационные возможности коллекций кожаной обуви. (По материалам раскопок в Москве). Российская археология. 2003. № 2.
4. Рецензия на книгу А.В. Курбатова Кожевенное производство Твери XIII-XV вв. Российская археология. 2005. № 3.
5. Кожаная обувь из погребений Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора. Российская археология. 2012. № 1.
6. Сапог зеленой шагрени. Родина. 2011. № 5.
7. Соколиная охота новгородцев. Родина № 6. 2010. (совместно с В. Федоровым).
8. Коллекция кожаной обуви Ильменского раскопа Великого Новгорода //Вестник МГОУ История и политические науки. № 3. 2011. С. 111-115. (совместно с М.И. Петровым)
9. К вопросу о так называемых «комнатных туфлях» (по материалам Троицкого раскопа Великого Новгорода). Вестник Новгородского государственного университета . № 63. Великий Новгород. 2011.
10. К вопросу об атрибуции одной из категорий кожаных изделий. // Археологические вести. 2011. № 16.
11. К истории соколиной охоты в новгородской земле //Записки Института истории материальной культуры РАН № 6. Под редакцией Е. Н. Носова. С.Пб., 2011г. (совместно с В.М. Федоровым и Т.С. Матехиной).
12. К вопросу о времени разделения кожевенного и сапожного ремесел (анализ материалов раскопок в Новгороде Великом и Москве). Древняя Русь (вопросы медиевистики). 2011. № 4.

Другие публикации по теме исследования

1. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1994г) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 1997г. № 2 (в соавторстве с А.Г. Векслером).

2. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1995г) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. 1999. № 3 (в соавторстве с А.Г. Векслером).
3. Кожаные сапоги из раскопок в Москве. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000. (в соавторстве с А.Г. Векслером).
4. Инструменты сапожников и кожаные изделия из раскопок Старого Гостиного двора в 1998 году. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000. (в соавторстве с А.Г. Векслером).
5. Конструктивная классификация обуви. АДТИТ 2001. Тезисы конференции. Тула. 2001. (в соавторстве с Ю.А. Лихтер).
6. К вопросу об антропометрических характеристиках и ортопедических заболеваниях населения средневековой Москвы. // Древности московской земли. Проблемы современной археологии. Тезисы конференции. М., 2001.
7. Системное описание и классификация коллекций кожаной обуви. Методическое пособие. М. 2004. (В соавторстве с Ю.А. Лихтер)
8. Кожаная обувь из раскопок в историческом центре Москвы. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2004.
9. Кожаная обувь из раскопок средневековой Коломны. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2005.
10. К истории лаптя на Руси. //Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь. 2010.
11. Обувь и другие изделия из кожи найденные при раскопках в исторической части г. Владимира.//Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. М., 2007.
12. К истории соколиной охоты. По материалам раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль XIV столетия. М., 2009.
13. К истории великокняжеских и царских «потех» (по материалам в Московском Кремле)// Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 5 М., 2009.
14. К вопросу о дате разделения кожевенно-сапожного ремесла (анализ археологических источников). //Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6 М., 2010.
15. К вопросу о так называемых «комнатных туфлях» // Труды III (XIX) всероссийского археологического съезда. СПб.: М.: Великий Новгород. 2011.